

Научная статья

УДК 911.6

DOI 10.18522/2072-0181-2023-113-5-15

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
И УНИФИКАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЮЖНОРОССИЙСКОГО РЕГИОНОГЕНЕЗА**

А.Г. Дружинин

**ACTUAL PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION AND UNIFICATION OF
GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY IN THE RESEARCH
OF SOUTH RUSSIAN REGIONOGENESIS**

A.G. Druzhinin

Развитие регионоведческих исследований немислимо вне внятного представления (и четких «договоренностей») об их локализованном объекте (объектах), соответствующих географических границах, таксонах, их сопряженности, в том числе иерархии. Сказанное в особой мере применимо к современной Российской Федерации, треть века назад оказавшейся в положении «главного осколка» великой державы («страны-континента» по определению П.Н. Савицкого [1]) и весь последующий период неустойчиво и асимметрично (своими отдельными фрагментами) интегрирующей в дискретно-континуальные пространства меняющейся Евразии, выстраивая трансграничные взаимосвязи, сохраняя и приумножая при этом собственную предельно усложненную, полимасштабную, не всегда до конца осмыслен-

ную и единообразно понимаемую внутреннюю территориальную архитектуру.

Нацеленным на ее познание региноведам относительно проще действовать на мезо- и микроуровне, поскольку имеется официальная «сетка» субъектов федерации, а в их составе и муниципальных образований (динамика границ в результате эпизодически свершающихся административно-территориальных преобразований – вопрос значимый, но в данном случае частный) с соответствующей нормативной базой, менеджментом, местной идентичностью, социально-экономической статистикой и иной необходимой атрибутикой. Сложнее, проблемнее – с также воспринимаемыми в качестве «территориальной целостности» различного рода группировками как муниципальных структур (внутри- и межрегиональных), так и (таксономическим уровнем выше) собственно

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, e-mail: alexdru9@mail.ru, т.: 8(863)2560849.

Alexander Druzhinin – Southern Federal University, 160, Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: alexdru9@mail.ru, tel.: 8(863)2560849.

регионов*, равно как и с территориями, изначально не вписывающимися (в силу природных либо исторических обстоятельств) в контур существующего политико-территориального деления. Усугубляет ситуацию фактической *противоречивой множественности* территориальных объектов исследования (в полной мере присущую южнороссийской регионалистике, обретающей всевозрастающую значимость и актуальность в связи как с современной геополитической ситуацией, так и с общим, по многим причинам неизбежным дальнейшим стратегическим поворотом России на Юг [4]), и весьма распространенная, укорененная, со временем, как видится, лишь усугубляющаяся ситуация, которую уместно обозначить как некую *топонимическую какофонию*. Речь идет о произвольном, неупорядоченном, не всегда правомерном и приемлемом применении и конструировании в исследовательских практиках и научном дискурсе различного рода пространственных образований, отсутствии должного внимания (и обоснованного подхода) к вопросам их делимитации, присвоении им тех или иных (в том числе и ранее относимых к иным по конфигурации территории) наименований.

В первую очередь это проявляется в широко тиражируемых в регионоведческих экономических, социологических, политологических, культурологических и иного рода трудах (в том числе в естествознании) таких ключевых словосочетаниях-топонимах, как «Юг России», «Северный Кавказ», «Северо-Кавказский экономический район», равно как и об их сопряженности-соотнесенности с бытующим многообразием топонимических конструктов более широкого, субъевразийского масштаба: «Черноморской регион», «Причерноморье», «Кавказ», «Черноморско-Каспийский регион» и др. Авторский контент-анализ научных публикаций последних лет фиксирует присущую их использованию в текстах *синонимичность* (когда, например, одновременно говорится и о «Черноморском регионе», и о

* Действующая сетка федеральных округов во многих ситуациях вступает в противоречие с географическими, историческими и экономическими обстоятельствами российского регионогенеза; не снимает проблему и схема макрорегионов, включенная в «Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 года», являющая собой лишь одну из многих разработок подобного рода, отличающихся отсутствием должного уровня обоснованности и, соответственно, доверия со стороны экспертного сообщества (см. например: [2, 3]).

«Причерноморье» [5] вне акцента на любого рода содержательно-смысловых отличиях), *омонимичность* (наблюдаемую при постановках вопроса о «Юге России», рассматриваемом и в формате современного ЮФО [6], и в изначально более расширенном географическом контуре [7]), равно как и порождаемую следованием исследовательской традиции *архивность*, как, в частности, в ситуации с «Северо-Кавказским экономическим районом (СКЭР)», ставшим в постсоветской России фактически феноменом прошлого, но при этом фигурирующим, например, в 196 статьях базы eLibrary, посвященных именно актуальным территориально-хозяйственным процессам (особо неприемлемо-нелепой видится практика отнесения к СКЭР субъектов Крымского полуострова [8]). Имеют место наряду с этим многочисленные проблемные ситуации в области *делимитации* тех или иных топонимов-таксонов, равно как и некритического отношения к привнесенному глобализацией (в ее вестернизированном варианте) геополитически мотивированному *терминологическому импорту*.

Цель статьи – осмыслить данную тематику, выявить историческую (пространственно-временную) обусловленность ее формирования, наметить целесообразные (в том числе с позиций выстраивания современной географической картины мира, соответствующей геополитическим реалиям и интересам России) направления и шаги по упорядочению и унификации базовой географической терминологии, задействованной в исследованиях южнороссийского регионогенеза.

Топонимы и геоконцепты и их сопряженность с региональными социально-экономическими исследованиями. Фундаментальной характеристикой любого рода регионоведческих работ является привнесение в них *идеи пространственности* (как особого типа упорядоченности мира [9, с. 31]), включая и ее основополагающий аспект – *многоуровневую структурированность*.

С какой бы территорией мы ни имели дело, полагал один из основоположников отечественной экономической географии Н.Н. Баранский, «ее можно и должно рассматривать двояко: 1) как часть некоторого более обширного целого и 2) как целое, состоящее из частей» [10, с. 19]. В множественных попытках вычленения этих «частей» и их «целого» (которое, в свою очередь, тоже в большинстве ситуаций часть чего-либо, поскольку «для

географического миропонимания мир = миры» [11, с. 17]) исследовательское сообщество испытало пролонгированный эволюционный тренд, корректируя, развивая свою методологию.

Географическая наука (устойчиво культивируя представления о районировании как «венце географического знания» [12]) первоначально фокусировала свою активность на прорисовке череды сменяющих друг друга схем районов. При этом последние весьма продолжительное время воспринимались как некая объективно существующая *территориально-вещественная данность* («нейтральный контейнер» [12] с «естественными» границами [13]), «открываемая» исследователями либо (со второй половины 1920-х гг. в русле идей Н.Н. Баранского [14] и Н.Н. Колосовского [15], их учеников и последователей) ими сознательно проектируемая, организуемая. Лишь с середины 1970-х гг. (начиная с И-Фу Туана [16]) в сфере интересов научного сообщества постепенно оказываются и *представления* о пространстве (насыщенном «смыслами социальной природы» [17]). Укореняется также понимание способности пространства не только «производиться» (что наряду с А. Лефевром активно постулировал другой методолог науки – Д. Харви [18]), но и испытывать постоянную «перекодировку» [19] в процессе создания все новых и новых географических образов.

«Места на Земле – местности, – как было подмечено еще три десятилетия назад, – наделяются не только смыслами, но и именами, поэтому мир, которым профессионально оперирует географ, это наполненный словами-именами мир, постоянно переживающий процесс называния, кодирования. Географические названия и есть те лингвистические коды, что служат для различения мест» [9, с. 33–34]. Подчеркнем, что упорядоченный, обоснованный и устойчиво воспроизводимый набор подобного рода кодов представляет собой не только базовую составляющую географической картины мира, но и одно из неотъемлемых оснований любого рода регионоведческих (пространственно-ориентированных) исследований.

В современной исследовательской практике наименование того или иного места принято обозначать термином «*топоним*». «Места» же в своей совокупности – множественны, в пространственном отношении подчас размыты (в том числе и ментально) и

заведомо неравнозначны. В ситуациях, когда они обретают устойчивый образ, становятся существенными для общества – возникает явление, обозначаемое как *геоконцепт* (т.е. «топоним, нагруженный культурными смыслами» [20, с. 102]), чья словесная формула (согласно В.Н. Калущкову) может быть выражена триадой: «образ + топоним + территория».

Все составляющие этого триединства взаимообусловлены, возникновение между ними какого-либо несоответствия, дисбаланса – искажает, обесценивает пространственные представления, равно как и результаты выстраиваемых в их русле регионоведческих исследований. Важно при этом осознавать, что, применяя (и тем более подменяя, предлагая новые) топонимы, равно как и выбирая те или иные версии структурирования территории, любой исследователь (отнюдь не только профессиональный географ) фактически соучаствует в коррекции (иногда и в искажении) пространства, в формировании, трансформации бытующих геоконцептов. Последние же, в свою очередь, являются итогом не только деятельности узкого круга географов-обществоведов, но и в полном смысле междисциплинарных усилий, дополняемых общественным дискурсом, позицией власти, доминантной идеологией, системой ценностей, в том числе и привносимых извне, заимствуемых. Конкретная совокупность действующих геоконцептов (как и всей связанной с ними вышеупомянутой триады) актуальна, ценна, продуктивна исключительно здесь и сейчас, являя при этом свой динамизм и полицентризм, выступая фактическим продуктом сменяющих друг друга временных периодов и эпох со своими конкурирующими геополитическими, цивилизационными проектами, локальными исследовательскими сообществами. Пролонгированную, многоэтапную концептуализацию испытали и современные южнороссийские территории.

Географические концепты южнороссийского прошлого: историография «архивной» топонимии. Историографии районирования нашей страны посвящена достаточно обширная, относящаяся главным образом к советскому периоду научная литература [21–24]. Опираясь на этот фактологический массив и не ставя целью ни сполна высветить все многообразие присущих отечественной традиции опытов районирования, ни подвергнуть их содержательной ревизии,

критике (а многие сетки районов устаревали уже к моменту их публикации [13]), сконцентрируем внимание собственно на вычленимых в те или иные эпохи макроструктурах пространства, на соответствующих им топонимах, а также на общей меняющейся логике концептуализации территории в процессе практически трехвекового политико-географического и социально-экономического тренда.

Современный российский Юг складывался в процессе поэтапной, разворачивавшейся с XVII по XIX в. экспансии государства на пространства бывшего Дикого поля и далее – к побережьям Каспия, Азовского и Черного морей, хребтам Кавказа. С конца XVII столетия начинает культивироваться и картографический образ России [25], с первой половины XVIII – выкристаллизовываются первые подходы к ее статистическому, экономико-географическому описанию [23], потребовавшие соответствующего районирования (метода познания местных особенностей [26]). Первые шаги в этой области, учитывая ретроспективу и важнейшие векторы российского продвижения на юг, были напрямую соотнесены с геополитическими реалиями и интересами страны.

Так, согласно одной из наиболее ранних схем, предложенных В.Н. Татищевым (современником и сподвижником Петра I), выделялся *Хвалынский*, или *Астраханский* «вице-губертамент», *Донской*, или *Воронежский* «генерал-губертамент», *Белгородский* «вице-губертамент», а также *Малороссийский* «генерал-губертамент». Юг расширяющейся страны в результате подразделялся на меридиональные сектора, а в его топонимии стали одновременно присутствовать градоцентрические, морские и этнические мотивы (при том что значительная часть современных южнороссийских территорий пока оставалась вне российской юрисдикции [27]).

Геополитические резоны структурирования пространства страны далее были дополнены «румбово-московским» подходом (акцентирующим своеобразие территорий к югу от Москвы), впервые реализованным во второй половине XVIII в. Х.А. Чеботаревым (1776 г.), выделившим в том числе и группировку *южных* губерний (Астраханская, Воронежская, Новороссийская, Белгородская, Слободско-Украинская и Киевская). Эта логика далее была воспроизведена и в членении российского пространства С.И. Плещеевым на три основные

полосы (включая *южную*, простирающуюся от 50° с.ш. вплоть до причерноморских и прикавказских границ России) (конец XVIII в.). Наиболее же значимой новацией того периода стало зарождение геоконцепта *Новороссия*. В отечественном политико-географическом лексиконе появляются также *Кавказское наместничество* и *Таврическая область*.

В первой половине XIX в. в делимитации российского юга (распространяющего свой ареал на Кавказ) превалирует учет природной зональности. Если еще в 1807 г. в районировании Е.Ф. Зябловского речь (следуя предшествующей традиции) идет о *Южной полосе* (от 50 до 40° с.ш.), то уже в 1815 г. другой исследователь, К.Ф. Герман, обособляет *Степные губернии* (Дон, Нижнее Поволжье, Предкавказье, Приазовье и Крым), а также *Малороссию, губернии Российской и Польской Украины* (сюда отнесен в том числе и современный Донбасс). В аналогичной концептуальной рамке широтно-меридиональной дифференциации [28] К.И. Арсеньевым в 1818 г. был также выделен обширный *Степной экономический район* («степные земли, идущие по подошве Кавказа от Азовского до Каспийского моря» [13, с. 151]), включающий в том числе Новороссию и Нижнее Поволжье. В схеме районирования, предложенной А. Ободовским в 1849 г., в качестве обособленной территории фигурирует *Пастбищная или степная страна* (объединяющая Новороссию, Нижнее Поволжье, Кавказ).

К середине XIX столетия в восприятии пространства России (его южного сегмента) весомое место занимает феномен Кавказа. Топоним *Донской округ вод Кавказских* был, кстати, предложен еще в 1836 г. К.И. Арсеньевым. В последующий период, уже в трудах П.П. Семенова-Тян-Шанского (1880 г.) регион *Кавказ* (включавший в понимании Петра Петровича и Область Войска Донского), наряду с *Новороссийской областью*, полностью перекрывает пространственный контур современного нам российского юга (выходя на западе за его пределы).

Далее уже Д.И. Менделеевым (в принадлежащей его авторству схеме районирования страны 1893 г.) Дон изымается у Кавказа и, соответственно, входит в Южный край (Новороссия и Нижнее Поволжье). К началу XX в. в российском дискурсе общеупотребимым становится также топоним Юг Европейской России, в свою очередь, вмещающий в себя

в качестве самостоятельных составляющих Южную Россию, Юго-Западную Россию, Юго-Восточную Россию и Кавказ [29]. В самом районировании в этот период в возрастающей мере начинают учитываться экономические обстоятельства, в том числе характер размещения промышленности. Общие, сложившиеся в предшествующие полтора столетия мотив и логика концептуализации территории (базирующаяся на «южности» и иных связанных с ней географических доминантах, наподобие Кавказа и Волги) при этом в целом сохраняются. Проявляются резоны, порожденные статусом союзных республик, интересами советской внутренней геополитики.

Так, в районировании плана ГОЭЛРО (1920 г.) фигурируют Южный (Нижнее Поволжье отнесено к Приволжскому) и Кавказский районы. В более продвинутой версии 1921 г. имеется Нижне-Волжский и Южный Горнопромышленный районы (последний включает, кстати, Ростов-на-Дону, Крым, Донбасс, современную Запорожскую и Херсонскую области). В схеме, предложенной в этот же период Комиссией по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), аналогичным образом обособлены Южный край, включая Новороссийский район и Донецкий район (с Ростовом-на-Дону), а также другой крупный регион – Северный Кавказ (включающий Кубанский район и Терский район).

В последующих версиях районирования под «югом» уже понимаются исключительно территории УССР. Ростов-на-Дону (как «крупный центр рабочего класса» [21, с. 142], «главная база советской власти» [14, с. 189]) вместе с прилегающими территориями передается в Северный Кавказ, Нижняя Волга – в Поволжье. Данное видение макрорегиональной структуры юга (юго-запада) нашей страны сохранялось и превалировало [21; 22] вплоть до ее разрушения в 1991 г. Альтернативные схемы районирования (не получившие статуса официальных, общепринятых) вносили в него, тем не менее, определенную коррекцию. Так, Н.Н. Баранский предлагал подразделять Кавказ на Русское Предкавказье, Горские республики и Закавказье [14], Н.Н. Колосовский – вычленять Северо-Кавказский район (без Ростовской области), Волго-Донецкий (Ростовская область и Нижнее Поволжье), а также (если соотносить все это с современностью) Южную Горнопромышленную Украину (включая Крым) [15]. Проект НИИ Го-

сплана СССР (1950-е гг.) [21] ориентирует на наличие Юго-Восточного экономического района в рамках, приближающихся к современному контуру ЮФО + СКФО (без Крыма, отнесенного к Южному району = УССР).

Процесс формирования, расширения и селитебно-хозяйственного освоения российского юга сопровождался в итоге множественностью меняющихся подходов к структурированию территории и выстроенных на их основе схем районирования. Появились (были предложены) и соответствующие наборы топонимов, выстроен и укоренен ряд устойчивых геоконцептов, потребовавших, тем не менее, уже в ситуации постсоветской России своей коррекции и адаптации.

Геоконцепт Юга России: осмысление и конструирование постсоветской пространственной реальности. Разрушение СССР и связанные с этим пространственные политико-экономические изменения, превратив российские территории южнее 50-й параллели в фактическое порубежье страны, в ее юго-западный причерноморско-кавказский «выступ» («геополитический полуостров» [30]), потребовали их реконцептуализации. Прежние межтерриториальные производственные связи стремительно утрачивались (а вместе с ними и резоны действующей сетки районирования, продолжающей, кстати, и поныне формально сохраняться благодаря никем так и не отмененному «Общероссийскому классификатору экономических регионов. ОК 024-95»*), а экономическое пространство фрагментировалось, являло асимметрию (по осям «северо-запад – юго-восток», «приморские – внутриконтинентальные территории», «центр – периферия»). Наблюдался интенсивный отток русских из национальных республик, обретавших всевозрастающую этнокультурную и хозяйственную специфику [31–34]. Проявились очаги этнополитической нестабильности [35–37]. В тот период приоритетным фактором макрорегиональной целостности стали государственные границы страны (большей частью – новые, постсоветские), а также соотносительная (в сравнении с иными территориями Европейской России) «южность», в свою очередь, предопределяющая особые местные селитебные, сельскохозяйственные и рекреационные условия (их индикатором стал констатируемый

* Утверждены Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/.

постсоветский поворот в расселении на юг и юго-запад [26]). Для обозначения этого целостно-разнородного макропространства в наибольшей мере подходящим, удачным оказался активно циркулировавший еще в эпоху Гражданской войны, но затем по политическим причинам основательно подзабытый топоним «Юг России», со второй половины 1990-х гг. целенаправленно и сфокусированно используемый географами и экономистами Ростовского госуниверситета (ныне – ЮФУ) для обозначения южнороссийских территорий, оказавшихся в юрисдикции Российской Федерации [38].

Укоренившись в научном дискурсе и действующей нормативно-правовой базе (в том числе и в ориентированных на макрорегион федеральных целевых программах), представления о «Юге России» в дальнейшем размывались, обретали все большую структурно-содержательную многомерность. В своем (уже в целом «архивном») *мини-восприятии* Юг России очерчивается «докрымскими» рубежами Южного федерального округа (6 субъектов РФ суммарной площадью 420,9 тыс. км² и населением немногим более 14 млн человек). Вариант *мини+* (с 2014 г.) включает также Крымский полуостров, отождествляясь с современным Южным федеральным округом (подобное видение представлено в [6]). Сохраняет свои геополитические и социально-экономические резоны и подход *медиум*, означающий распространение топонима «Юг России» (наряду с ЮФО) также на российский Северный Кавказ, территорию Северо-Кавказского федерального округа (сам автор уже четверть века неизменно придерживается именно этой позиции, обосновывая и отстаивая ее [7; 38; 39]).

С середины 2000-х гг. Российская Федерация, восстанавливая геоэкономический потенциал и реанимируя геополитические интересы, активно наращивала присутствие в Причерноморье и Закавказье. Еще десятилетие спустя по-новому стала рефлексироваться и наша сопричастность к судьбе соотечественников в сопредельных регионах Украины (согласно переписи 2001 г. доля русских в населении Донецкой области достигала 38,2 %, Луганской – 39 %, Крыма – 58,3 %, а Севастополя – 71,6 %). Эти изменения инициировали разработку представлений о «Большом Юге России» [39; 40], и данный «широкий» взгляд на наш макрорегион (*Юг России – макси*) обретает ныне, как видится,

не только новые резоны, но и дополнительную, весьма существенную коннотацию.

«Большие пространства» российского Юга: сопряженность и динамика в современном евразийском геополитическом контексте. В современном, в осязаемой мере геополитически ангажированном, миропонимании особо значимую роль играют ранее утвердившиеся (начиная с Х. Маккиндера [41] и далее вплоть до К. Шмитта [42]) представления о так называемых «больших пространствах» (*Grossraum / Large space*), интегрирующих территории (и акватории), выходящих (отдельными локалитетами, потоками, интересами, ментально) за свои исторически привычные географические контуры, взаимонаслаивающихся, формирующих таксономические иерархии. Целая совокупность соответствующих геоконцептов значима и для южнороссийской регионалистики. Некоторые напрямую увязаны с представлениями о Юге России и его порубежье («Большой Кавказ», «Черноморский регион», «Каспийский регион», «Черноморско-Каспийский регион»); иные, более масштабные (наподобие «Большой Европы», «Большого Ближнего Востока», «Большой Евразии» и др.) вмещают Юг России (в том числе и его вариант *макси*) в свой обширный, подчас размытый контур. Этот мегапроцесс конструирования (причем не только ментального) «больших пространств» (геополитических и геоэкономических) ныне, в третьем десятилетии XXI столетия, вновь инициирует реконцептуализацию южнороссийских территорий как инкорпорированного в Россию, но при этом относительно целостного, внутренне структурированного образования, во всевозрастающей мере обретающего облик (и понимание) также *сопоставимо большого*, одного из ключевых в стремительно меняющейся Евразии.

Географический (демографический, экономический) размер в данном случае столь же существенен, как и геополитическое позиционирование, фокусировка интересов центров силы, степень многососедства. Качество «большой» означает в преломлении к макрорегиону существенно большую степень его внутренней пространственной фрагментированности (единства разного). Так, в частности, с осени 2022 г. постановка вопроса о **Большом Юге России**, конечно же, предполагает включение в его состав *четырех новых российских субъектов* (их параметры,

тренды и основные аспекты взаимодействия с сопредельными южнороссийскими регионами изложены в [43]). Благодаря развитию транспортной инфраструктуры, автомобилизации и, главное, формированию единой растениеводческой специализации степных пространств (в существенной мере ориентированной на внешние южные рынки [4]) Большой Юг России обретает способность и расширить свой периметр (в процессе взаимной интеграции) за счет расположенных к северу территорий *Старого российского Юга* (в иной топонимической версии это *Ближний Русский Юг* [44], включающий Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Орловскую и Тамбовскую области, либо *юг центральной России* [45]).

Невозможно социально-экономически и абсолютно неправомерно, неприемлемо геополитически вывести за южнороссийский контур и пространственную структуру *Северного Кавказа*, устойчиво наращивающего свой демографический и еще динамичнее – хозяйственный потенциал. Если в 2002 г. доля семи северокавказских республик (без Калмыкии) в населении ЮФО (на тот период включавшего 13 субъектов РФ; Крым в данном расчете не учитывался) составляла 28,9 %, то в 2022 г. (в тех же границах) она возросла до 32 % (по ВРП соответствующие показатели – 14,2 и 20 %). Становясь все больше экономико-демографически и по ряду аспектов политически, Северный Кавказ являет себя и как важнейшая в масштабе Большого Юга России территория с некой двойной идентичностью, своего рода *регион шерп* в активизировавшемся взаимодействии Русского мира и Исламской уммы, России и государств Большого Ближнего Востока. На западном направлении аналогичную миссию (в российско-украинском диалоге) потенциально способны взять на себя (и уже практически выполняют) Ростовская область, Республика Крым, а также ДНР-ЛНР.

В расширяющейся полицентрической южнороссийской пространственной общности неизменным остается и присутствие *Нижнего Поволжья*, обретающего дополнительную геостратегическую значимость за счет *Российского Прикаспия* в связи с актуализацией МТК «Север – Юг», взрывным ростом приморских городов Дагестана (за постсоветский период численность населения только Махачкалы возросла почти двукратно) и многоаспектной

акватерриториальной хозяйственной активностью.

Обладая выходом не только к Каспию, но и к Черному, Азовскому морям, Большой Юг России одновременно демонстрирует и свойства *междуморья*, вмещающая ресурсно- и коммуникационно значимые акваториальные составляющие, позволяющие дополнить пул южнороссийских геоконцептов *Российским Причерноморьем* [46] (включающим Приазовье, с осени 2022 г. полностью находящееся в российской юрисдикции).

Приморские зоны Большого Юга России (суммарно это до 5 % протяженности морского побережья страны, треть населения всех выходящих к морю городов РФ, не менее 32 % грузооборота морских портов, 22 % объема российской нефтедобычи на шельфе [1]) являются одновременно секторальными составляющими *Причерноморья, Каспийского региона*, а также, в их интегрированном восприятии, – *Черноморско-Каспийского региона*, выступая эксклюзивной для Российской Федерации сферой интересов в этих морских трансграничных мегаструктурах.

Большой Юг России (в политико-географических границах Российской Федерации) располагает суммарной территорией свыше 900 тыс. км², вмещающей не менее 37 млн человек. Это распределенный по обширной (во многих конкретных ситуациях слабозаселенной) территории архипелаг неравновесных (социально-экономически, демографически) «центральных мест» (в их числе, согласно Всероссийской переписи населения 2021 г., статус миллионников имеют Ростов-на-Дону, Краснодар, Воронеж и Волгоград). Ситуация СВО на Украине вновь выводит на лидирующие позиции в пределах Большого Юга России Ростов-на-Дону (как узловое компонент перспективной Ростовско-Донецкой конурбации), а также предопределяет секторальную (на западе) *мобильность* южнороссийских внешних границ (прилегающие к ним территории являются *прифронтовыми*, с активным вооруженным противостоянием, нуждающимися в ускоренной инфраструктурной и хозяйственной реабилитации). Геополитический контекст также продуцирует наличие в структуре «большого» южнороссийского макрорегиона *экзогенных элементов* в виде интегрированных в хозяйственное и социокультурное пространство Российской Федерации Абхазии и Южной Осетии.

Завершая, хотелось бы обратиться к одной глубокой и, безусловно, справедливой мысли, озвученной коллегой-географом старшего поколения, методологом и историком науки, питерским профессором А.Г. Исаченко: «Важно не как, а что и для чего изучать» [47, с. 382]. В регионалистике же вопрос «что изучать» (фундаментальный, особо актуализированный в периоды резких изменений в обществе) во многом ориентирован именно на проблематику топонимии, концептуализации пространства, его корректного структурирования. И историческая колея, заложенная усилиями наших предшественников, в этом случае столь же существенна, сколь важен учет современных реалий, равно как и конструируемое (воплощенное в геоконцептах) видение вероятностного (в том числе предпочтительного) будущего. Но фокусировка внимания на специфике того или иного региона, его имени, географических рубежах, степени и форматах сопряженности с иными значимыми для него территориями – это одновременно и существенная, необходимая составляющая понимания «для чего», поскольку в результате любые осмысливаемые и инициированные исследовательским сообществом региональные экономические и социокультурные действия и интересы должны обретать свой обоснованный и наиболее широкий географический контур, дополняться разумной интеграционной повесткой, быть в полной мере «россииориентированными».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2021. 270 с.
2. Кузнецова О.В. Система макрорегионов в экономическом пространстве России // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 33–43.
3. Ходачек А.М., Степанова Е.С. Вопросы экономического районирования с учетом стратегии пространственного развития Российской Федерации // Региональная экономика и развитие территорий: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 139–148.
4. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5–16.
5. Ислямова Э.Э. Геополитическое значение Черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3, № 4 С. 124–133.
6. Суций С.Я. Юг России: социально-экономическая траектория макрорегиона (2000–2020-е гг.) // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 4. С. 92–102.
7. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 43–49.
8. Гладилин А.В., Гладилин В.А., Таранова И.В. Основные риски, сдерживающие факторы и конкурентные преимущества субъектов Северо-Кавказского экономического района (на примере Республики Крым и г. Севастополя) // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. статей Международной науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 1. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 78–80.
9. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Известия РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 31–40.
10. Баранский Н.Н. О методике лекций по районному курсу экономической географии СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. № 1. С. 16–22.
11. Тютюник Ю.Г. О феномене географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2010. № 6. С. 8–18.
12. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 7–19.
13. Вальская Б.А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Географгиз, 1950. С. 139–201.
14. Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 311 с.
15. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 202 с.
16. Tuan Yi-Fu. Topophilia. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1974. 260 p.
17. Lefebvre H. Urban revolution. Minneapolis: Minnesota University Press, 2003. 224 p.
18. Harvey D. Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development. London: Verso, 2006. 154 p.
19. Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Полис. 1998. № 6. С. 78–89.
20. Калуцков В.Н. «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 100–107.
21. Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР. М.: Госпланиздат, 1959. 263 с.
22. Калашникова Т.М. Экономическое районирование. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 216 с.
23. Никитин Н.П. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII века

- // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Географгиз, 1950. С. 43–103.
24. Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 235 с.
 25. Преображенский А.И. Экономические карты в дореформенной России (Материалы к истории русской экономической картографии) // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Географгиз, 1950. С. 105–138.
 26. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
 27. Фель С.Е. Петровские геодезисты в создании русской картографии XVIII века // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Географгиз, 1950. С. 5–22.
 28. Нефедова Т.Г. Хозяйство российской деревни и население // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти В.П. Семенова-Тянь-Шанского. М.: ОГИ, 2001. С. 285–315.
 29. Русский календарь. СПб.: Суворин А.С., 1911. 126 с.
 30. Бабурин В.Л. Геополитические факторы регионального развития // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. М.; Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 42–46.
 31. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.
 32. Стрелецкий В.Н. Сдвиги в этническом расселении России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-российский форум. 2011. № 1. С. 51–72.
 33. Белозеров В.С., Чихичин В.В., Глуценко И.В. Региональные особенности этнических миграций на Северном Кавказе // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 1. С. 71–92.
 34. Дружинин А.Г. «Кавказская составляющая» этнодемографической структуры регионов Юга России: постсоветская динамика // Псковский регионологический журнал. 2021. № 3. С. 58–71.
 35. Суший С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М.: Ленанд, 2013. 432 с.
 36. Матишов Г.Г. Опасные тенденции и риски на южном фланге России. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 285 с.
 37. Колесников Ю.С. О стратегии снижения конфликтности Северного Кавказа (взгляд из провинции) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. С. 5–15.
 38. Ростов-на-Дону в социально-экономической динамике Юга России / под ред. А.Г. Дружинина, Ю.С. Колесникова. Ростов н/Д: Администрация г. Ростова-на-Дону, 1997. 200 с.
 39. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 288 с.
 40. Дружинин А.Г. Юг России в меняющемся геостратегическом контексте: важнейшие структурные компоненты и тренды (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 58–66.
 41. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23. P. 421–437.
 42. Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008. 672 с.
 43. Дружинин А.Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 62–74.
 44. Калуцков В.Н. Культурно-географическое районирование России: геоконцептуальный подход // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 85–94.
 45. Каницев В.В., Баранова Е.В., Жиров Н.А. Результаты моделирования историко-географического районирования (на материалах юга центральной России XVII – XVIII веков) // Вестник ТГУ. 2015. Вып. 1. С. 89–108.
 46. Дружинин А.Г. Российское Причерноморье в современной Евразии: геополитические и морехозяйственные факторы региональной динамики // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3. С. 5–15.
 47. Исаченко А.Г. В поисках методологических основ географии (обзор точек зрения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1986. Вып. 5. С. 377–386.

REFERENCES

1. Druzhinin A.G. *Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost: obshchestvenno-geograficheskii analiz* [The ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis]. Rostov-on-Don, SFedU Publishing House, 2021, 270 p.
2. Kuznetsova O.V. *Regional'nye issledovaniya*, 2012, no 3, pp. 33–43.
3. Khodachek A.M., Stepanova E.S. *Voprosy ekonomicheskogo rayonirovaniya s uchetom strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Issues of economic zoning taking into account the spatial development strategy of the Russian Federation]. In: *Regionalnaya ekonomika i razvitie territoriy: sb. nauch. statey* [Regional economy and development of territories: collection of scientific articles]. St. Peterburg, Publishing House of Saint-Petersburg State University of Economics, 2021, pp. 139–148.
4. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2022, no. 1, pp. 5–16.
5. Islyamova E.E. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya*

- fiya. *Politologiya. Kulturologiya*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 124–133.
6. Sushchiy S.Ya. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, 2022, vol. 10, no. 4, pp. 92–102.
 7. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 1999, no. 3, pp. 43–49.
 8. Gladilin A.V., Gladilin V.A., Taranova I.V. *Osnovnye riski, sderzhivayushchie faktory i konkurentnye preimushchestva sub»ektov Severo-Kavkazskogo ekonomicheskogo rayona (na primere Respubliki Krym i g. Sevastopolya)* [The main risks, constraining factors and competitive advantages of the subjects of the North Caucasus Economic Region (on the example of the Republic of Crimea and Sevastopol)]. In: *Sovremennaya nauka: teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad: sb. statey Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf: v 4 ch. Ch. 1* [Modern science: theoretical and practical view: collection of articles of the International scientific and practical. conf: in 4 parts. Part 1.]. Ufa, Aeterna, 2016, pp. 78–80.
 9. Kostinskiy G.D. *Izvestiya RAN. Ser. geogr.*, 1992, no. 6, pp. 31–40.
 10. Baranskiy N.N. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1941, no 1, pp. 16–22.
 11. Tyutyunnik Yu.G. *Izvestiya RAN. Ser. geogr.*, 2010, no. 6, pp. 8–18.
 12. Smirnyagin L.V. *Izvestiya RAN. Ser. geogr.*, 2016, no. 4, pp. 7–19.
 13. Valskaya B.A. *Obzor opytov rayonirovaniya Rossii s kontsa XVIII v. po 1861 g.* [Review of the experiments of zoning of Russia from the end of the XVIII century to 1861]. In: *Istoriya geograficheskikh znaniy. Voprosy geografii. Sb. 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Compilation 17]. Moscow, Geografiz, 1950, pp. 139–201.
 14. Baransky N.N. *Ekonomicheskaya geografiya SSSR. Obzor po oblastyam Gosplana* [Economic geography of the USSR. Overview of the areas of Gosplan.]. Moscow, Leningrad, State Publishing. 1927, 311 z.
 15. Kolosovsky N.N. *Osnovy ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Fundamentals of economic zoning]. Moscow, Gospolitizdat, 1958, 202 p.
 16. Tuan Yi-Fu. *Topophilia*. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1974, 260 p.
 17. Lefebvre H. *Urban revolution*. Minneapolis, Minnesota University Press, 2003, 224 p.
 18. Harvey D. *Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development*. London, Verso, 2006, 154 p.
 19. Zamyatin D.N. *Polis*, 1998, no. 6, pp. 78–89.
 20. Kalutskov V. N. *Izvestiya RAN. Ser. geogr.*, 2016, no. 2, pp. 100–107.
 21. Alampiev P.M. *Ekonomicheskoe rayonirovanie SSSR* [Economic zoning of the USSR]. Moscow, Gosplanizdat, 1959, 263 p.
 22. Kalashnikova T.M. *Ekonomicheskoe rayonirovanie* [Economic zoning.]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1982, 216 p.
 23. Nikitin N.P. *Zarozhdenie ekonomicheskoy geografii v Rossii. Obzor materialov XVIII veka* [The origin of economic geography in Russia. Review of materials of the XVIII century]. In: *Istoriya geograficheskikh znaniy. Voprosy geografii. Sb. 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Compilation 17]. Moscow, Geografiz, 1950, pp. 43–103.
 24. Saushkin Yu.G. *Lektsii po ekonomicheskomu rayonirovaniyu SSSR* [Lectures on economic zoning of the USSR]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1960, 235 z.
 25. Preobrazhenskiy A.I. *Ekonomicheskie karty v doreformennoy Rossii (Materialy k istorii russkoy ekonomicheskoy kartografii)* [Economic maps in pre-reform Russia (Materials for the history of Russian economic cartography)]. In: *Istoriya geograficheskikh znaniy. Voprosy geografii. Sb. 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Compilation 17]. Moscow, Geografiz, 1950, pp. 105–138.
 26. Treyvish A.I. *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, district, country and world. The development of Russia through the eyes of a country scientist.]. Moscow Novyy khronograf, 2009, 372 p.
 27. Fel S.E. *Petrovskie geodezisty v sozdanii russkoy kartografii XVIII veka* [Geodesists of Peter I in the creation of Russian cartography of the XVIII century]. In: *Istoriya geograficheskikh znaniy. Voprosy geografii. Sb. 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Compilation 17]. Moscow, Geografiz, 1950, pp. 5–22.
 28. Nefedova T.G. *Khozyaystvo rossiyskoy derevni i naselenie* [The economy of the Russian village and the population]. In: *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: sto let peremen. Pamyati V.P. Semenova-Tyan-Shanskogo* [City and Village in European Russia: One Hundred Years of Changes. In memory of V.P. Semenov-Tyan-Shansky]. Moscow, OGI, 2001, pp. 285–315.
 29. *Russky kalendar* [Russian Calendar]. St. Petersburg, Suvorin A.S., 1911, 126 p.
 30. Baburin V.L. *Geopoliticheskie faktory regionalnogo razvitiya* [Geopolitical factors of regional development]. In: *Geografiya, gradostroitel'stvo, arkhitektura: sintez nauk i praktik* [Geography, urban planning, architecture: synthesis of sciences and practices]. Moscow, Smolensk, Oykumena, 2013, pp. 42–46.
 31. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. *Problemy prognozirovaniya*, 2006, no. 1, pp. 118–123.
 32. Streletskiy V.N. *Yuzhno-rossiyskiy forum*, 2011, no. 1. pp. 51–72.
 33. Belozеров V.S., Chikhichin V.V., Glushchenko I.V. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 2016, no. 1, pp. 71–92.
 34. Druzhinin A.G. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 58–71
 35. Sushy S.Ya. *Severnyy Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoy treti XXI veka* [North Caucasus: realii-

- ties, problems, prospects of the first third of the XXI century]. Moscow, Lenand, 2013, 432 p.
36. Matishov G.G. *Opasnye tendentsii i riski na yuzhnom flange Rossii* [Dangerous trends and risks on the southern flank of Russia]. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center RAS, 2016, 285 p.
 37. Kolesnikov Yu.S. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2011, no. 1, pp. 5–15.
 38. *Rostov-na-Donu v sotsialno-ekonomicheskoy dinamike Yuga Rossii / pod red. A.G. Druzhinina, Yu.S. Kolesnikova* [Rostov-on-Don in the socio-economic dynamics of the South of Russia / Ed. by A.G. Druzhinin, Yu.S. Kolesnikov]. Rostov-on-Don, Administration of Rostov-on-Don, 1997, 200 p.
 39. Druzhinin A.G. *Globalnoe pozitsionirovanie Yuga Rossii: faktory, osobennosti, strategii* [Global positioning of the South of Russia: factors, features, strategies]. Rostov-on-Don, SFedU Publishing House, 2009, 288 p.
 40. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2014, no. 3, pp. 58–66.
 41. Mackinder H.J. *The Geographical Journal*, 1904, 23, pp. 421–437.
 42. Shmitt K. *Nomos Zemli* [Nomos of the Earth]. Moscow, Vladimir Dal, 2008, 672 p.
 43. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2022, no. 4, pp. 62–74.
 44. Kalutskov V.N. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, 2015, no. 22, pp. 85–94.
 45. Kanishchev V.V., Baranova E.V., Zhiron N.A. *Vestnik TGU*, 2015, iss. 1, pp. 89–108.
 46. Druzhinin A.G. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2020, no. 3, pp. 5–15.
 47. Isachenko A.G. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1986, iss. 5, pp. 377–386.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Научная статья

УДК 292.11

DOI 10.18522/2072-0181-2023-113-15-20

ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ

С.Н. Астапов

THEOLOGY AND RELIGION IN ANCIENT GREECE: THE NATURE OF THEIR MUTUAL CONNECTION

S.N. Astapov

Среди тенденций современной российской философии для исследователя, занимающегося философией религии, заметно как укрепление позиций самой философии религии, так и интерес философии к происходящему активному развитию теологии в гуманитарном знании в России. С позиции этого знания теология – важная часть развитого религиозного сознания. Она представ-

ляет собой его рефлексивную и теоретическую форму, отличающуюся логической структурой, близкой к философии, системой аргументации и речевых средств, используемых для выражения единства рациональных и иррациональных моментов религиозного сознания. Все это является показателем высокого уровня развития религиозного сознания, на котором оно в теологии воспроизводится как диалектическое единство

Астапов Сергей Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии религии и религиозоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116, e-mail: snastapov@sfedu.ru, т.: 8(863)2184000, доб. 21037.

Sergey Astapov – Southern Federal University, 116 Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065, e-mail: snastapov@sfedu.ru, tel.: 8(863)2184000, ext. 21037.